

КУРС НА ВОСТОК, В КАРДИФФ

Пьеса в одном действии

Перевод М. Кореневой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Янки.
Дрисколл.
Коки.
Дэйвис.
Скотт.
Олсон.
Поль.
Смитт.
Иван.
Капитан.
Второй помощник капитана.

Матросский кубрик британского грузового судна «Гленкерн» на полпути между Нью-Йорком и Кардиффом. Ночь. Туман. Помещение неправильной формы — в дальнем конце борта почти сходятся, образуя треугольник. Вдоль бортов тянутся три ряда коек, каждая около шести футов длиной; верхние расположены над нижними на расстоянии трех футов. С правой стороны над койками видны три-четыре иллюминатора. Перед койками грубые деревянные скамьи. Над койками с левой стороны — лампа, укрепленная на скобе. На переднем плане по левому борту дверь. На полу, неподалеку от нее, ведро с жестяным ковшом. На гвозде рядом с дверью висят клеенчатые плащи. Дальний конец кубрика настолько узок, что койки там устроены лишь вдоль одного борта. Под койками видны засунутые туда в беспорядке матросские сундучки, чемоданы, морские сапоги и т. д.

Регулярно, с интервалом примерно в минуту, раздается, перекрывая остальные шумы, парходная сирена.

На скамьях сидят и разговаривают пятеро. Одеты они в грязные, залатанные холщовые брюки и фланелевые блузы, все в одних только носках. Четверо потягивают трубки, и в воздухе стоит густой, едкий дым. На верхней койке в первом ряду слева сидит норвежец Поль, тихонько наигрывая на стареньком аккордеоне какую-то народную песенку. Время от времени он прерывает игру, прислушиваясь к разговору товарищей.

В глубине кубрика на нижней койке лежит темноволосый человек с крупными, резкими чертами лица; он спит. Одна его рука безжизненно свисает с койки. Лицо у него очень очень бледно, на лбу блестят капельки липкого пота.

Приближается конец второй вечерней полувахты — до восьми осталось минут десять.

Коки — не человек, а сморчок — рассказывает какую-то историю. Остальные слушают его с довольно скептическим выражением, то и дело прерывая рассказ громким, насмешливым хохотом.

Коки. Обхаживала меня, да! Истинный крест! Негритоска чертова. А сама с головы до пят вся кокосовым маслом вымазана, да. Чтоб мне пусто было, ей-богу, до того мне противно сделалось. Ах ты, треклятая старая корова, говорю... да как хрясь ей по уху, она аж одурела, да и...

Его прерывает взрыв хохота.

Дэйвис (*пожилой человек с черной шевелюрой и усами*). Заливаешь ты, Коки.

Скотти (*молодой чернявый парень*). Хо-хо! Да тебя, сдается, ни в жизнь не заносило на эту Новую Гвинею.

Олсон (*швед с мягко свисающими светлыми усами, ехидно*). Подумать только! Ты говоришь — она лютевка?

Дрисколл (*дюжий ирландец с изуродованным, как у боксера-профессионала, лицом*). Как ты мог еще сомневаться, Олли? Да, королева ж нигтеров, само собой. Какой бы другой взбрело, что она ему ровня? Какая б еще втюрилась в такого красавца, в такого удальца, как наш Коки?

Взрыв общего хохота.

Коки (*с возмущением*). Разрази меня господь, ежели это неправда, до самого что ни на есть последнего словечка. Десять лет как случилось—на рождество будет.

Скотти. Рождественский обед—вон она на чего зарилась-то!

Дэйвис. Он у нас третий калач!

Дрисколл. Обоим вам повезло, что ты улизнул; а то королева людоедских островов назавтра ж после рождества окочурилась бы к дьяволу—так бы у ней живот разболелся, как пить дать.

Все заливаются долгим и громким хохотом.

Коки (*мрачно*). Болваны растреклятые!

В глубине кубрики большой на нижней койке стонет и мечется на постели. Все притихли. Поворачиваются и внимательно смотрят на него.

Дрисколл. Ш-ш-ш-ш! (*Приглушенным шепотом.*) Потине тут—разгадделись, а человек пытается соснуть хоть самую малость. (*Гихонько ступая, он подходит к койке.*) Янки! Может, пить хочешь? Воды?

Янки не отвечает.

(*Наклоняется и смотрит на него.*) Спит, само собой. Задыхается он—в глотке-то булькает, что вода в трубе. (*Бесшумно возвращается на свое место, садится.*)

Все молчат, избегая встречаться друг с другом взглядом.

Коки (*после паузы*). Бедняга. Лететь ему за борт, помоги ему господь.

Дрисколл. Брось каркать. Он еще не умер, поживет еще не один годок божьей милостью.

Скотти (*с сомнением покачивая головой*). Плох он, брат, больно уж плох.

Дэйвис. Повезло еще, что жив остался. Сверзился так—любой бы другой дух испустил.

Олсон. Ты вител, как он упал?

Дэйвис. Да, я рядом был. Спускались с ним во второй трюм—собирались поплотничать малость. Он ного-то и поставь наобум, да и оступился. До самого низа пролетел—шмяк. Сперва я и глянуть боялся, а как услышал, что он стонет, дак прямо и скатился по трапу. Здорово он нутро отшиб—сбоку изо рта кровь текла. Стонал сильно, но слова не проронил.

Коки. А помните, ребята, как мы его сюда волокли? А, черт, приговаривает, а, черт,—только и всего.

Олсон. А капитан знает, где он ушибился?

Коки. Этот старый олух? Чего он там вообще знает, черт возьми?

Скотти *(с презрением)*. Тыкает в рот своей стеклянной штуковиной.

Дрисколл *(возмущенно)*. Дьявольщина, а не жизнь. Вокруг—безлюдное море, а между тобой и могилой в океане только и есть что старый сивобородый дурак на журавлиных ножках. Даже святой потерял бы терпение, доведись ему увидеть, как он стоит со своими золотыми часами в руке и напускает умный вид, точно сова на дереве, а самому и не сообразить, что с Янки—то ли холера, то ли краснуха.

Скотти *(с сарказмом)*. Небось выдал ему дозу слабительного.

Дрисколл. Черта с два он ему выдал! Уставился в книгу, которую припер с собой, и ну трясти головой, а потом удалился. без единого слова, а за ним—и второй помощник убрался, и ума в голове что у одного, что у другого, будь они оба прокляты.

Коки *(после паузы)*. Янки, бедолага, хороший друг был. Четыре доллара мне в Нью-Йорке одолжил. Да.

Дрисколл *(с теплотой)*. Хороший друг—был и есть, лучше не сыщешь. Ты сказал чистую правду, Коки. Мы с ним первый раз пять лет назад плавали, больше даже, с тех пор—не разольешь, хоть в радости, хоть в беде. Случалось, и дрались, прости господи, но только когда малость примем, а пазавтра пожмем руки, и дело с концом. Все, чего у него было, все равно как мое, и сколько раз сидеть бы мне на мели или хуже того, кабы не он. А теперь... *(Старается скрыть свои чувства, голос у него дрожит.)* Задери меня дьявол, распускаю тут нюни, точно старая баба, а он не только что не умер—ему еще, может, жить да жить.

Дэйвис. Сон ему впрок пойдет. Вид-то у него сейчас вроде как получше.

Олсон. Поесть бы ему чего...

Дрисколл. Да неужто в таком состоянии можно есть эту дрянь? На этой ржавой посудине такую бурду дают, что нас и то воротит, само собой, а у нас нутро как-никак в порядке.

Скотти *(с возмущением)*. На этом пароходе с голоду сдохнешь.

Дэйвис. Работы невпроворот, жратвы — шиш, а хозяева в каретах разъезжают.

Олсон. Зарятели — похлебка та каша, каша та похлебка! Райское житье, шерт восьми! *(С отвращением плюет.)*

Коки. Помои поганые. Только свиньям и годятся, вот что я скажу.

Дрисколл. А пойло, что выдают вместо чая! А замазка вместо хлеба! Как подумаешь, дак в брюхе заноеет, точно дюжину гвоздей проглотил. А сухари — об них и лев переломал бы зубы, случись ему несчастье их попробовать!

Бессознательно все они опять заговорили громко, забыв о больном, как и все матросы, обрадовавшись возможности поворчать.

Поль *(спустив ноги с койки, прекращает играть и медленно произносит)*. И гни-лая кар-тош-ка! *(Снова начинает играть.)*

Больной издает мучительный стон.

Дрисколл *(поднимая руку)*. Заткните пасти, все до единого! Черт подери, распинаемся тут про наши кишки, а больной человек, может, даже умирающий, слушает. *(Встает и грозит норвежцу кулаком.)* Уймись ты, ради бога, олух селедочный! А ну положи сейчас же эту шарманку, а то расквашу твою мерзкую рожу. Неужто этот адский визг — подходящая музыка для больного человека?

Норвежец кладет аккордеон на койку, ложится и закрывает глаза. Дрисколл подходит к Янки, останавливается. В тишине пароходная сирена звучит особенно громко.

Дэйвис. Черт бы подрал этот туман! *(Запустив руку под койку, вытаскивает пару морских сапог, надевает.)* А мой черед заступать впередсмотрящим. Верно, уж около восьми склянок, ребята.

За исключением Олсона, все матросы садятся и, готовясь к вахте на палубе, надевают клеенчатые плащи, зюйдвестки, сапоги и т. д. Олсон забирается на нижнюю койку справа.

Скотти. Я — рулевым.

Олсон (*брюзливо*). Весь рейс напролет огна парши-
пая погота, та и только. Я просто спать не могу, когда
тует сирена. (*Поворачивается спиной к свету и в скором
времени уже крепко, похрапывая, спит.*)

Скотти. Ежели туман не разойдется, дак я вам
скажу, мы и за неделю до Кардиффа не доплюхаем, а то
и поболе.

Дрисколл. Как раз в такую ночь пошел на дно
старина «Дувр». И как раз примерно в такое ж время;
сидим мы все посиживаем в кубрике, Янки—рядом со
мною, вдруг ни с того ни с сего слышим страшный грохот,
несусветный, корабль накренился, мы все сгрудились у
одного борта. Чего там дальше было, в точности не
помню, только спустить за борт шлюпки, покуда старое
корыто не затонуло, дело нешуточное. Мы с Янки
оказались в одной шлюпке, и целных семь дней нас
носило по морю, без капли воды или там чего съестного.
Это Янки удержал меня, когда я рехнулся от жажды,
в море хотел броситься. В тот же день нас и подоб-
рали. Один Янки и был в своем уме. Он и правил шлюп-
кой.

Коки (*с неодобрением*). Ну, ты и весельчак,
Дрисколл, чтоб тебе пусто было! Распинаешься об круше-
ниях, а тут туман этот треклятый.

Янки стовет, беспокойно дергается, открывает глаза. Дрисколл поспеш-
но подходит к нему.

Дрисколл. Получшало тебе, Янк?

Янки (*слабым голосом*). Нет.

Дрисколл. Ну что ты, скоро получаеш. На тебя
поглядеть, дак ты здоров, как бычина. (*Обращаясь к
остальным.*) Разве я чего соврал?

Дэйвис. Сон тебе впрок пошел.

Коки. Через неделю будешь потягивать себе пиво в
Кардиффе.

Скотти. С рыбой и с картошкой, браток!

Янки (*с раздражением*). Чего ради вы все врете?
Думаете, я боюсь... (*В нерешительности смолкает,
словно страшась того слова, которое собирается произ-
нести.*)

Дрисколл. Да не думай ты об таких вещах!

Слышно, как судовой колокол громко отбивает восемь раз. Сверху
доносится голос впередсмотрящего на баке: «Все в порядке». Матросы в
нерешительности смотрят на Янки, словно не зная, попрощаться с ним
или нет.

Янки *(в припадке страха)*. Не бросай меня, Дриск! Говорю тебе, я умираю. Я тут один не останусь — они все храпят. Выйду на палубу. *(Делает слабую попытку подняться, но с громким стоном опускается назад. Слышно его хрипловатое, прерывистое дыхание.)* Не бросай меня, Дриск! *(Лицо его побелело, голова, дернувшись, падает на постель.)*

Дрисколл. Не беспокойся, Янки. Я и шагу отсюда не сделаю, хоть бы этот дьявол боцман оборался. Пусть поорет, покуда у него глотка не лопнет. Скажешь там боцману, Коки. Скажи, Янки погибается, дак я с ним побуду чуток.

Коки. Ладно!

Коки, Дэйвис и Скотти бесшумно выходят.

(Голос Коки.) Чтоб мне пусто было, туман густой, точно суп, ей-богу.

Дрисколл. Ты доволен, Янки? *(Не получив ответа, склоняется над неподвижным телом.)* Боже милостивый, сознание потерял! *(Зачерпнув из ведра воды жестяным ковшом, смачивает Янки лоб.)*

Янки *(медленно)*. Я уж думал, отдаю концы. Зачем тебе вздумалось меня будить?

Дрисколл *(с напускной веселостью)*. На небеса не терпится, что ли?

Янки *(мрачно)*. По-моему, в ад.

Дрисколл *(невольно перекрестившись)*. Ради всего святого, не говори так! Аж в дрожь бросает. Денек-другой, и пойдешь палубу драить, наравне со всеми, как миленький.

Янки не отвечает, устало закрывает глаза. В кубрик входит матрос, который нес вахту впередсмотрящим, это Смитти, молодой англичанин; снимает клеенчатый плащ, с него течет вода. Пока он занимается этим, входит матрос, которого сменили у руля. Это Иван черноволосый дитина с круглым, глуповатым лицом. Англичанин, тихонько ступая, подходит к Дрисколу. Второй матрос забирается на нижнюю койку.

Смитти *(шепотом)*. Как Янки?

Дрисколл. Получше. Да спроси сам. Он не спит.

Янки. Все в порядке, Смитти.

Смитти. Рад слышать, Янки. *(Забирается на верхнюю койку и вскоре засыпает.)*

Иван *(поворачивает голову в сторону больного)*. Чувствуешь хорошо, Янки?

Янки *(устало)*. Да, Иван.

Иван. Это хорошо. *(Поворачивается на бок и мгновенно засыпает.)*

Янки *(после паузы, прерываемой лишь храпом; с горьким смехом)*. До свиданья и удачи вам всем!

Дрисколл. Опять заболело?

Янки. Адская боль — вот здесь. *(Показывает на грудь с левой стороны, внизу.)* Сдается, мой старый насос подкачал. О! *(Его бледное лицо искажает судорога, вызванная приступом боли. Прижимает руку к груди, корчась на тонком тюфяке. Крупные капли пота выступают на лбу.)*

Дрисколл *(в ужасе)*. Янки! Янки! Что с тобой? *(Вскакивает.)* Я сбегая за капитаном. *(Направляется к двери.)*

Янки *(садится на койке, обезумев от страха)*. Не бросай меня, Дриск! Ради бога, не оставляй меня одного. *(Сплювывает, перегнувшись через край койки.)* Кровь! Мм-мм!

Дрисколл возвращается к нему.

Дрисколл. Опять кровь! Надо бы капитана позвать.

Янки. Нет, нет, не бросай меня одного! Если бросишь, я встану и пойду за тобой. Я не трус, но мне страшно оставаться тут с ними одному — все спят, храпят.

Дрисколл, не зная, что предпринять, садится на скамью рядом с койкой Янки.

(Успокаивается и опускается на тюфяк.) Капитан мне ничем не поможет, сам знаешь. Сейчас уже не так больно, а тогда думал — отдаю концы. Точно меня циркулярной пилой распиливали.

Дрисколл *(в ярости)*. Черт подери, ей-богу!

В кубрик входят Капитан корабля и Второй помощник. Капитан — старик с седыми усами и бакенбардами. Второй помощник — человек средних лет с чисто выбритым лицом. Оба в простых синих формах.

Капитан *(доставая часы и щупая пульс Янки)*. И как чувствует себя больной?

Янки *(слабым голосом)*. Нормально, сэр.

Капитан. Грудь беспокоит?

Янки. Болит, сэр, хуже прежнего.

Капитан *(достав из кармана термометр, вставляет его в рот Янки)*. Вот так. Постарайся держать под языком, а не сверху.

Помощник *(после паузы)*. Разве ты сейчас не должен нести вахту на палубе, Дрисколл?

Дрисколл. Да, сэр, только Янки боится оставаться один, и...

Капитан. Все в порядке, Дрисколл.

Дрисколл. Благодарю вас, сэр.

Капитан *(с минуту смотрит на часы, затем вынимает изо рта Янки термометр и подходит к лампе, чтобы разглядеть, что он показывает. Лицо его приобретает мрачное выражение)*.

Капитан отзывает Помощника и Дрисколла к двери. Янки украдкой наблюдает за ними.

(Тихо говорит Помощнику.) Подскачили, и то и другое. *(Дрисколлу.)* Он опять харкал кровью?

Дрисколл. В последний-то час немного, сэр, но до этого...

Капитан. Сильно?

Дрисколл. Да, сэр.

Капитан. Он что-нибудь ел?

Дрисколл. Нет, сэр.

Капитан. Выпил он лекарство, которое я ему послал?

Дрисколл. Да, сэр. Только его вырвало.

Капитан *(качая головой)*. Боюсь... он очень слаб. Больше я ничего не могу для него сделать. Слишком тяжелый случай—мне не под силу. Если бы это случилось хотя бы неделю спустя, мы бы успели дойти до Кардиффа как раз вовремя...

Дрисколл. Пожалуйста, помогите ему как-нибудь, сэр!

Капитан *(с раздражением)*. Но я же, любезный, не врач. *(Смягчаясь при виде горя Дрисколла.)* Вы с ним давно плаваете вместе?

Дрисколл. Пять лет. Даже больше, сэр.

Капитан. Понятно. Не разрешай ему двигаться. Ему нужен покой—так что присматривай за ним. Будем надеяться на лучшее. Я посмотрю еще в справочнике и пришлю лекарство. Во всяком случае, что-нибудь облегчить боль. *(Подходит к Янки.)* Будь мужественным! Завтра тебе станет лучше. *(Под пристальным взглядом Янки он начинает запинаться.)* Мы тебя вытащим... все будет в порядке... и... гм... ну... идемте, Робинсон? Проклятье! *(Поспешно выходит.)*

За ним—Помощник.

Дрисколл (*стараясь скрыть беспокойство*). Ну, не говорил я тебе — не так уж ты болен, как тебе кажется. Капитан еще до конца недели поднимет тебя на ноги, и опять пойдешь всех нас клясть и кастить на чем свет стоит.

Янки. Не ври, Дриск. Я слышал, что он сказал, а хоть бы и не слышал, и так понятно по тому, как чувствую себя. Я знаю, что будет. Скоро я... (*с минуту колеблется — затем решительно*) скоро я умру, вот что, и чем скорей, тем лучше!

Дрисколл (*неистово*). Нет, черт-те побори, нет! Не допущу.

Янки. Бесполезно, Дриск. Мне ничего не светит, но я не боюсь. Дай мне попить, а, Дриск? Глотка горит.

Дрисколл приносит полный ковш воды и поддерживает голову Янки, пока тот пьет большими глотками.

Дрисколл (*тицетно ожидая услышать, что Янки легче*). Теперь как, не полегчало?

Янки. Да... теперь... когда знаю, что все кончено.

Пауза

Не расстраивайся так, Дриск. Я вот думаю, это вовсе не так страшно, как думают, — смерть. Мало ли чего мелеет святая братия — я на эту чушь никогда особенно не надеялся. В бога я никогда не верил, знаю только, что бы там после ни случилось, хуже теперешнего не будет. Мне с тобой не хочется расставаться, Дриск, вот и все.

Дрисколл (*со стоном*). Не говори так, дружище, не надо.

Янки. Что расстаеться с матросской жизнью, плакать нечего — только и знай, один пароход за другим, работа тяжелая, платят гроши, жратва — хуже некуда; зайдем в порт — напьемся, а там и драка, и от денег уже не шиша — валяй опять на корабль. Порядочных-то людей никогда не встречаешь; ни в одном порту, считай, не вылазишь из портового квартала; мотаешься по всему свету, а что видишь? Да ничего, никогда. И никому-то нет дела, жив ты или помер. (*Горько усмехнувшись*.) О чем тут жалеть, Дриск?

Дрисколл (*мрачно*). Море... чертовская жизнь.

Янки (*задумчиво*). Здорово, верно, прожить всю жизнь на суше; завести ферму, дом, собственных коров, свиней, кур, где-нибудь подальше, где и запаха моря никогда не услышишь и парохода не увидишь. Здорово,

верно, завести жену, детишек; вечером, как закончишь работу, поужинаешь, дак поиграть с ними можно. Здорово, верно, иметь собственный дом, Дриск.

Дрисколл *(с глубоким вздохом)*. Что верно, то верно, само собой. Да что толку об том думать? Такое не про нас.

Янки. Мореходство — хорошая штука, когда ты молод и тебе все нипочем, но мы-то уж не желторотые юнцы; почему-то, не знаю, нынешний год выдался совсем никудышный, я все подумывал бросить — вместе с тобой, понятно, накопили б мы денегжат, да и махнули в Канаду, а то в Аргентину или еще куда, завели б ферму, маленькую совсем, только чтоб на жизнь хватало. А тебе не говорил — думал, ты надо мной смеяться станешь.

Дрисколл *(с воодушевлением)*. Над тобой, смеяться, да ты что? Когда я и сам что ни день об том же думаю. Мысль хоть куда, так мы и сделаем, само собой, только ты эту свою дуроту брось... насчет... насчет болезни.

Янки *(печально)*. Слишком поздно. Не надо было нам идти в этот рейс, тогда бы... Что это сюда набралось столько туману?

Дрисколл. Туману?

Янки. Все расплывается. Должно, глаза слабеют, я так понимаю. Об чем это мы толковали минуту назад? Ах, да, об ферме. Слишком поздно. *(Мысли у него скачут.)* В Аргентину, я сказал? Помнишь, как мы проводили время в Буэнос-Айресе? Кино в Барракасе? Картины попадались — первый сорт, помнишь?

Дрисколл *(с удовольствием)*. Как не помнить, да и тапер тот тоже запомнил. Не позабудет, какой я ему второпях фингал под глаз подставил.

Янки. А помнишь, как мы там на мели сидели — пришлось отправляться в ночлежку Томми Мура, да записываться в плаванье? А он всучил нам никудышные плащи и драные сапоги, да еще содрал за два месяца и спровадил на том парусном ушате вокруг мыса Горн. А денечки, когда мы, бывало, посиживали на скамейках на Пасео-Колон и охрана не спускала с нас глаз? А песни в «Матросской опере» — там еще парень играл регтаймы, — помнишь?

Дрисколл. Еще бы, само собой.

Янки. А Ла-Плату? Ох, и вонница же в забегаловках, тьфу! Аргентина мне завсегда правилась... все, кроме ихнего спиртного, тростниковой водки. Как же мы тогда надирались, помнишь?

Дрисколл. Неужто такое позабыть можно? Как вспомню, дак сразу голова трещит.

Янки. А помнишь ночь, когда я сбесился от жары в Сингапуре? Или когда тебя сцапали фараоны в Г'орг-Саиде? А как нас обонх засадили за драку в Саднее?

Дрисколл. Еще бы!

Янки. А ту драку на пирсе в Кейптауне... *(Его голос выдает большое внутреннее волнение.)*

Дрисколл *(поспешно)*. Не думай ты сейчас об этом. Прошло и быльем поросло.

Янки. Как по-твоему, не станет он это против меня держать?

Дрисколл *(озабоченно)*. Ты про кого?

Янки. Про бога. Говорят, он все видит. Тогда он должен знать—я дрался по-честному, защищался,—как думаешь?

Дрисколл. Само собой. Убил ты его, будь он проклят. Так он ведь, скотина, сволочь этакая, хотел исподтишка всадить тебе нож в спину, когда ты и не подозревал даже. Пускай твоя совесть будет спокойна. Хотел бы я, чтоб у меня на душе не было чего похуже. Тогда я не убоялся б самого архангела Гавриила.

Янки *(с содроганием)*. Он! Только что я видел его—кровь так из горла и хлещет. Ох!

Дрисколл. Жар у тебя, вот что, оттого и привиделось такое. Не принимай к сердцу.

Янки *(в неуверенности)*. Значит, думаешь, не станет он это против меня держать—бог, значит?

Дрисколл. Коли есть справедливость на свете, дак—нет!

Янки, как видно, усваивают его слова.

Янки *(после паузы)*. Мы до Кардиффа и в неделю не доберемся. Похоронят меня в море.

Дрисколл *(прикрыв уши руками)*. Ш-ш-ш-ш-ш! Не желаю я тебя слушать!

Янки *(словно и не слышал его)*. А чем плохо? Верно, не хуже любого другого места. Только мне все ж завсегда хотелось, чтоб меня на суше похоронили. Да ладно... не все ль равно, один черт! *(С раздражением.)* Ну и паршивая же ночь выдалась... сирена чертова надрывается, храпят со всех сторон. А мне бы хотелось, чтоб светили звезды, луна; лежал бы я на палубе да глядел на них, как-то легче было б уходить.

Дрисколл. Ради бога, не говори так!

Янки. Какие мне там деньги причитаются, раздели с ребятами; и возьми себе мои часы. Невелика ценность, да

у меня больше и нет ничего.

Дрисколл. А родных-то у тебя, что ль, совсем нет?

Янки. Нет, не слышал что-то. Да, одно забыл— знаешь Фанни, официантку из «Красного журавля» в Кардиффе?

Дрисколл. Как не знать? Само собой.

Янки. Пожалела она меня. В последний рейс я без гроша остался, дак она все поровила одолжить мне полкроны. Купи ей коробку конфет, самую большую, какую сыщешь в Кардиффе. *(Запинаясь, прерывающимся голосом.)* Трудное это плавание... один в него отправляюсь!

Дрисколл хватается за руку. Следует пауза, во время которой оба стараются сдержать свои чувства.

У меня в глотке, что в печи. *(С трудом глотает воздух.)* Дай мне попить, водички, а, Дриск?

Дрисколл подает ему ковш с водой.

Заместо этого бы кружку пива. О! *(Задыхается, лицо искажается болью, руки раздирают рубашку на груди. Ковш падает из его безжизненных пальцев.)*

Дрисколл. Ради бога, Янки, что с тобой?

Янки *(говорит с огромным трудом)*. Прощай, Дриск! *(Вылезаящими из орбит глазами уставился в пространство перед собой.)* Кто это?

Дрисколл. Кто? Ты о чем?

Янки *(слабым голосом)*. Красивая дама в черном. *(По лицу его пробегает судорога, тело корчится в последних конвульсиях, потом вытягивается и застывает.)*

Дрисколл *(бледный от ужаса)*. Янки! Янки! Скажи хоть словечко, ради всего святого! *(Отшатнувшись от койки, осеняет его крестом. Потом снова подходит и, положив дрожащую руку на грудь Янки, низко склоняется над его телом.)*

Коки *(из прохода)*. Эй, Дрисколл! Можешь на минуту оставить Янки и чуток подсобить мне?

Дрисколл *(с рыданием)*. Янки! *(Опускается на колени возле койки, положив голову на руки. Губы шевелятся в полузабытой молитве.)*

Коки *(входит, на его плаще и зюйдвестке блестят капли)*. Туман разошелся. *(Видит Дрисколла и оттанавливается, уставившись на него с открытым ртом.)*

Дрисколл снова совершает крестное знамение.

(С издевкой.) Молится! *(Замечает на койке неподвижную фигуру, понимает, что произошло, и на лице его появляется выражение благоговейного ужаса. Стаскивает зюйд-вестку, с которой стекают капли воды, и стоит, почесывая голову. Приглушенным голосом.)* Чтоб мне пусто было!

Занавес